

ДЖОНАТАН СВИФТ

ЭРОТИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ГУЛЛИВЕРА В
ЛИЛИПУТИИ

Эротические приключения Гулливера

Джонатан Свифт

**Эротические приключения
Гулливера в Лилипутии**

«Самухина Н.А.»

1727

Свифт Д.

Эротические приключения Гулливера в Лилипутии / Д. Свифт —
«Самухина Н.А.», 1727 — (Эротические приключения Гулливера)

«Эротические приключения Гулливера» являются единственным в мире изданием неизвестной рукописи Свифта, созданной им в 1727 году на основе глав и частей, изъятых первым издателем «Путешествий Гулливера...» А. Мотом за их «откровенный и шокирующий характер». Читатель не только узнает, в чем состоял истинный спор между тупоконечниками и остроконечниками, но и прояснит для себя все темные места и несуразности поведения Гулливера в уже ставшем классическим тексте «Путешествий...», о котором сам Свифт с горечью замечает: «...опубликованный текст имеет такое же сходство с оригиналом, какое добрый кусок говядины может иметь с таковым же, но побывавшим в желудке и естественным образом вышедшим наружу». Наконец Гулливер предстанет перед читателем не занудой и ханжой, а сильным и любознательным мужчиной, полным страсти, жизнелюбия и оптимизма, а его приключениям вернется изначальное содержание.

Содержание

Джонатан Свифт	5
От издательства	6
Путешествие в Лилипутию	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джонатан Свифт Эротические приключения Гулливера в Лилипутии

От издательства

В сентябре 2004 года из Лондона на электронный адрес издательства Института соитологии пришло письмо, автор которого сообщал, что у него есть для нас «интересное» предложение. Встретиться договорились на предстоявшей вскоре Международной книжной ярмарке во Франкфурте.

Встреча состоялась 7 октября 2004 года, когда к стенду нашего издательства подошел молодой человек и на русском, с тем акцентом, который появляется у русских, долго проживших или родившихся за границей, представился. Это и был наш лондонский знакомый. До того он несколько минут внимательно изучал выставленные на нашем стенде издания, как научно-популярные, так и художественные: от Камасутры и откровенных сонетов Пьетро Аретино с не менее откровенными иллюстрациями Джулио Романо и братьев Карраччи до сочинений маркиза де Сада и Леопольда фон Захер-Мазоха.

Изъяснялся он не без труда, однако наши попытки перейти на английский вежливо отверг, заявив: «Мои бабушка и дедушка были русскими. Я люблю русский язык». Не тратя лишних слов, молодой человек заявил нам, что у него есть неопубликованная рукопись Свифта и сделал паузу, наблюдая за нами. Честно сказать, никакого впечатления его слова на нас

не произвели. Свифт в России давно издан, то есть, конечно же, прежде всего его «Путешествия Лемюэля Гулливера...», а издавать сейчас что-то еще... Даже его достаточно известная «Сказка бочки» сегодня вряд ли кого заинтересует, тем более – на российском рынке, где первые позиции, наряду с Гарри Поттером, давно и прочно завоевал детективный жанр; даже с реализацией русской классики теперь проблемы... Вот, примерно, какой ответ прозвучал из наших уст. Вежливо выслушав нас, молодой человек сказал:

– Вы меня не поняли. Я предлагаю вам неизданные «Путешествия Лемюэля Гулливера...»

Так состоялось наше знакомство с одним из потомков старинного купеческого рода, давшего России, по меньшей мере, двух выдающихся фигур своего времени Ерофея и Федора Каржавиных. Федор Васильевич Каржавин (1745–1812), полиглот, знавший почти два десятка языков, теоретик архитектуры и художник, плодовитый писатель и ученый-натуралист, путешественник, исколесивший Европу и Америку, и помимо прочего – тайный агент Екатерины II... О Ф. В. Каржавине есть обширная статья в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Родной дядя Федора Васильевича – Ерофей Каржавин, получивший образование в Сорбонне, – первый переводчик на русский язык свифтовских «Путешествий Лемюэля Гулливера...» Перевод этот, опубликованный в 1772–1773 гг., был сделан с весьма вольной французской версии, но выгодно отличался от нее, поскольку по стилю более соответствовал английскому изданию 1726 года.

Как мы узнали от нашего гостя, после большевистской революции 1917 года потомки рода Каржавиных рассеялись по всему свету, за границей оказалась и часть архива Ф. В. Каржавина, в котором и были обнаружены неопубликованные главы знаменитых «Путешествий...». По утверждению нынешнего владельца рукописи, Федор Каржавин купил ее в свое время у семьи Форда, друга, душеприказчика и хранителя архива знаменитого английского сатирика.

На наш вопрос, почему она до сих пор не опубликована, молодой человек, многозначительно улыбнувшись, предложил нам ознакомиться с содержанием. Так в наших руках оказалась ксерокопия части рукописи. После прочтения нам стала понятна причина, по которой потомок Каржавиных выбрал издательство, специализирующееся именно на эротической литературе.

Рукопись поразила нас смелостью и раблезианской свободой, которую во времена Свифта могли позволить себе немногие, ну разве что такие «одиозные» фигуры, как Джон Клеланд, написавший знаменитый эротический роман «Фанни Хилл, или Мемуары женщины для утех» и затем представший за свое «безнравственное» сочинение перед судом... Кстати, запрет на публикацию романа был снят английским же судом лишь двести лет спустя, в середине XX века. Видимо, такая же судьба ожидала бы и «Путешествия Лемюэля Гулливера...», если бы издатели не привели рукопись в надлежащий, с их точки зрения, вид. Иначе могло последовать и наказание – за издание богохульственных и антиправительственных книг в Англии в ту пору отрезали уши. Впрочем, даже во второй половине XIX века, в викторианские времена, «Путешествия Лемюэля Гулливера...» считали сочинением вредным, грязным и порочным и безжалостно корнали, превращая в невинную сказочку... Да, трудно себе представить, какова была бы реакция церкви, прочти ее духовные отцы знаменитый пассаж из Лилипутии об «остроконечниках и тупоконечниках» в его подлинном, а не искаженном виде. Получается, что священник, настоятель собора святого Патрика в Дублине, был вольнодумцем и в вопросах отношений полов.

В данном контексте нельзя обойти вниманием весьма показательное произведение еще одного великого писателя Англии, современника Свифта – Даниэля Дефо, увидевшее свет в 1722 году под названием «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс». Написанная в жанре автобиографии вымышленной героини (как, впрочем, и «Робинзон Крузо»), книга эта вполне могла бы считаться эротической, если бы ее эротика не была вынесена за скобки. Тако-

вой ее намеренно делает сам автор, работающий в рамках того, что позволено временем: «... были приложены все старания к тому, чтобы не допустить в эту повесть в настоящем ее виде никаких непристойностей, никакого бесстыдства, ни одного грубого выражения героини. С этой целью кое-какие подробности порочной части ее жизни, которые нельзя передать в пристойной форме, опущены вовсе, многое же сильно сокращено.» (см.: Радости и горести знаменитой Молль Флендерс. М.: Художественная литература, 1991).

Подобный литературный ход весьма примечателен. Казалось бы, чего проще – пиши о добродетели и не оправдывайся ни перед кем. Но в том-то и дело, что читательский спрос на эротическое, чувственное и запретное был в то время как никогда велик, и расчетливый Дефо это прекрасно понимал. Рынок, возникновение национальной буржуазии, монетизация общественных отношений диктовали новые условия, новые ценности, превращая среди прочего и эрос в выгодный товар. Однако и без того на протяжении человеческой цивилизации завуалированная или откровенная эротика в искусстве и литературе почти всегда была в спросе, повышая градус интимного и социального мироощущения, градус переживания жизни. XVIII век полностью унаследовал от века XVII модель так называемой «куртуазности», выраженную в девизе абсолютизма «Будем наслаждаться!», разве что лишь переведа ее на коммерческую основу. И хотя, если говорить об Англии, тамошний королевский двор вынужден был делиться властью с парламентом, это, по сути, не изменило бытовавших нравов, и общая их картина была здесь такой же двусмысленной, как и в тех странах Европы, где абсолютные монархии еще продолжали карнавал безудержной плоти. Несмотря на христианское порицание, человеческий «низ» в те времена одерживал победу за победой над «верхом», и жизнь во всех слоях европейского общества шла под знаком чувственности и гедонизма. Пожалуй, наиболее ярко этот феномен отражен в изобразительном искусстве Европы XVII–XVIII вв., но и литература не осталась в стороне. Другое дело, что ей в силу специфики печатного слова приходилось в большей мере считаться с охранительной системой мягких условностей и жестких запретов, постулирующих внешнюю, во многом циничную, сторону отношений государства и его граждан. Так, литературные «исповеди» блудниц и грешниц должны были по библейскому образцу Марии Магдалины непременно заканчиваться благодатью искреннего покаяния. Или же поддавшийся искушению «низом» герой по неписаным законам рапортовал читателю о преодолении искуса и торжестве «высокой нравственности». Так в облатке условного ханжества преподносилась истина.

В опубликованных «Путешествиях Лемюэля Гулливера...» можно прочесть: «Часто они [фрейлины – И. К.] раздевали меня донага и голого клали себе на грудь, что мне было очень противно...». «Они раздевались донага, меняли сорочки в моем присутствии, когда я находился на туалетном столе перед их обнаженными телами; но я уверяю, что это зрелище совсем не соблазняло меня и не вызывало во мне никаких других чувств, кроме отвращения и гадливости...» «Самая красивая из этих фрейлин, веселая шаловливая девушка, шестнадцати лет, иногда сажала меня верхом на один из своих сосков и заставляла совершать по своему телу другие экскурсии, но читатель разрешит мне не входить в дальнейшие подробности. Это до такой степени было неприятно мне, что я попросил Глюмдальклич придумать какое-нибудь извинение, чтобы не видеться больше с этой девицей.» (Курсив наш – И. К.; Джонатан Свифт. Путешествия Гулливера. М., 1980). Прямо скажем, в подобную реакцию Гулливера верится с трудом, особенно после того, как сам он называет великанов «красивой расой». И тем более странно, когда ее выказывает здоровый, любознательный и стремящийся, как все путешественники, к новым впечатлениям представитель мужского пола. Логично было бы предположить, что через приемы мнимого осуждения, через напускное ханжество своего героя Свифт пытался сохранить в тексте хотя бы фрагменты своего подлинного сатирического полотна, передающего неприемлемые для официального мнения черты действительности. Однако после ознакомления с ранее неизвестной рукописью становится совершенно очевидным, что в опубликованной

версии мы имеем дело не с авторскими уловками, а скорее с незаделанными швами, оставшимися после безжалостных редакторских ножниц.

Нелишне напомнить, что как представитель века Просвещения, высоко чтившего Природу и считавшего Человека естественной частью ее, Свифт полагал человеческий «низ» равноправным по отношению к другим частям тела. У него есть даже сочинение под названием «Human Ordure» («Человеческие экскременты»), в котором автор со знанием дела описывает содержимое выгребных ям, производимое разными сословиями дублинцев.

Тем значимей представляется нам оказавшееся в нашем издательстве произведение, видимо, доработанное Свифтом после неудавшихся попыток опубликовать «Путешествия Лемюэля Гулливера...» в полном объеме. Кстати, в свете новых материалов абсолютно несостоятельной выглядит версия английского литературоведа Генри Морли, касающаяся этимологии слова «лилипут», якобы производного от английского слова «маленький» (little) и слова «испорченный, грязный» (put, putta, pute), взятого из языков романской группы (оттуда же происходит и новейшее русское сленговое заимствование «путана» – то есть шлюха). Нет, Лилипутия Свифта – отнюдь не страна испорченных порочных человечков – картина двенадцатикратно, как в перевернутой подзорной трубе, уменьшенного мира, много сложнее и противоречивей, как вообще любая картина жизни. В этой ее многозначности и проявляется мудрость автора, исповедующего принципы естественности всего живого. Джонатан Свифт отнюдь не моралист и весьма далек от навязываемых ему односторонних оценок. Не выдерживает критики и предложенная этимология слова Бробдингнейг, якобы представляющего собой анаграмму из слов grand, big, noble – большой, крупный, благородный – (А. Аникст). Похоже, что свифтологи выступают здесь в тогах тех ученых мужей, над которыми иронизирует в своих «Путешествиях...» сам Свифт. В порядке филологической игры предлагаем читателям самим поискать свои собственные смысловые ключи к названиям других стран, где побывал наш неутомимый и любознательный путешественник Гулливер – Бальнибарби, Лаггнетт, Глабб-дробдриб. Не проще ли предположить, что тут для Свифта был важен эффект фонетической экзотики, вызывающий смех. А код смеха едва ли можно расшифровывать...

Хорошо известно, что Свифт был крайне недоволен тем, как издатель Бенджамин Мотт выпустил его «Путешествия Лемюэля Гулливера...». Мотту был представлен список опечаток и пропущенных мест, но и в последующих моттовских изданиях искаженные или пропущенные места так и не были восстановлены. В четырехтомном издании «Путешествий Лемюэля Гулливера...», выпущенном в 1735 году в издательстве Фолкнера, ряд ошибок был исправлен, но пропуски (и весьма существенные) так и остались невосполненными.

Изъятые Моттом и впоследствии переработанные Свифтом главы хранились в архиве Ч. Форда, который, по утверждениям биографов знаменитого сатирика, и поддерживал отношения с издателями. Кстати, «Лапутия», содержащая наиболее острую сатиру на современную Свифту Англию, была опубликована Фордом же уже после смерти ее автора и тоже вышла в свет со значительными изъятиями и переработкой издателя.

Свифт умер в 1745 году. Неопубликованные части рукописи, видимо, в конце семидесятых годов XVIII века, были проданы Федору Каржавину. Резонно предположить, что Каржавин после успешной публикации в России перевода «Путешествий Лемюэля Гулливера...», сделанного его дядей, намеревался осуществить новое, полное издание. Намерениям его, по понятным причинам, не суждено было осуществиться.

Роман «Путешествия Лемюэля Гулливера...» по выходе в 1726 году быстро завоевал популярность и был сразу же переведен на несколько европейских языков, в том числе на французский и немецкий. Известно, что немецкая версия «Путешествий Лемюэля Гулливера...» имела у Ломоносова. Издательский успех книги породил не одно подражание. Так, спустя лишь год после первого издания в Англии вышла подделка «A Voyage to Cacklogallinia» (1727), переведенная в России в 1770 году, то есть еще до самих «Путешествий Лемюэля Гулли-

вера...». Книга называлась «Путешествия Самуила Брунта в Кеклогалинию, или в Землю петухов», автором ее был указан Д. Свифт...

Относительно корректное издание «Путешествий Лемюэля Гулливера...» увидело свет лишь в 1922 году, в Лондоне, но редактору, опиравшемуся на сохранившийся благодаря Ч. Форду экземпляр первого издания «Путешествий Лемюэля Гулливера...» с исправлениями и пометками, внесенными рукой Свифта (в настоящее время этот раритет находится в Англии, в Музее Виктории и Альберта), по-видимому, не было известно о том, что рукопись опубликована далеко не в полном объеме. Можно допустить, что сам факт существования и продажи части рукописи был по тем или иным причинам Фордами скрыт.

Главным же мотивом обращения наследника к нам оказалось завещание Федора Каржавина, желавшего, чтобы утаенное от современников великого памфлетиста Англии сочинение впервые увидело свет в России, когда она освободится от цензуры. Кстати, А. С. Пушкин предрекал, что первым, кого опубликуют в бесцензурной России, будет Барков. Так оно и оказалось. Свобода слова проверяется на деле отношением к вербальному выражению эроса.

Нас, естественно, в первую очередь волновал вопрос подлинности предложенной нам рукописи. На ней нет имени Свифта, хотя, как хорошо известно, во избежание неприятностей он собственным именем и не подписывал свои «Путешествия...» (отсюда же появление в рукописи вымышленного публикатора записок Гулливера – некоего Ричарда Симпсона, его «старинного и близкого друга»). Выяснилось, что из-за неправильного хранения большая часть белого автографа утрачена, и текст дошел до нас лишь благодаря тому, что еще в первой половине XIX века был тщательно переписан кем-то из наследников Федора Каржавина. От глав, написанных рукой самого Свифта, осталось лишь сорок девять разрозненных страниц. Контекстуально они коррелируют с остальными страницами копии.

Проведенная экспертиза подтвердила, что перед нами подлинник, после чего было принято решение о его приобретении. Ныне эта рукопись является собственностью Института социологии и находится в специализированном хранилище в Швейцарии.

Готовя русский перевод неизвестных страниц «Путешествий Лемюэля Гулливера...» к печати, мы решили не объединять широко известный текст «Путешествий...» с новым, поскольку рукопись, переданная нам, явно готовилась Свифтом для издания в качестве самостоятельного приложения-комментария к уже вышедшим в свет «Путешествиям Лемюэля Гулливера...».

Работая над переводом новых глав «Путешествий Лемюэля Гулливера...», мы, естественно, обращались к имеющимся переводам на русский язык традиционного корпуса, из которых выгодно отличается перевод под редакцией А. А. Франковского (в его основу лег перевод, осуществленный еще в конце XIX века П. П. Кончаловским и В. И. Яковенко). Для сравнения: в выдержавшей немало изданий версии Б. М. Энгельгардта, сделанной для юных читателей, естественно, прослеживается тенденция смыслового упрощения оригинала. Как следствие при этом зачастую страдает и своеобразный юмор автора. Вот, например, эпизод из VI главы «Путешествия в Бробдингнэг», связанный с изготовлением Гулливером кресел из волос королевы. Перевод: «Я сказал, что скорее предпочту умереть, чем присесть на драгоценные волосы, украшавшие когда-то голову ее величества». Однако в оригинале читаем: «... I would rather die a thousand deaths than place a dishonourable part of my body on those precious hairs...», то есть – «Я бы предпочел тысячу раз принять смерть, чем ПОМЕСТИТЬ НЕДОСТОЙНУЮ ЧАСТЬ СВОЕГО ТЕЛА на эти драгоценные волосы...». Разница существенная. Оригинал «Путешествий...» интонационно и лексически острее. Кстати, один из классиков английский литературы XX века Сомерсет Моэм считал, что «проза Свифта – это тот идеал, подражая которому современный английский писатель может найти свой собственный стиль».

Канонические «Путешествия Лемюэля Гулливера...» хорошо изучены и досконально прокомментированы, в том числе и в русском литературоведении. Названы и предполагаемые источники, которые могли дать толчок сатирической фантазии Свифта. Среди них это «Комическая история государств...» французского писателя XVII века Сирано де Бержерака и, конечно, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле (XVI в.). Однако впервые публикуемые нами ранее неизвестные главы «Путешествий Лемюэля Гулливера...» рожают новые литературные реминисценции и аллюзии, заставляя нас вспомнить не только, скажем, «Декамерона» Боккаччо, но и некоторые образцы античной литературы, зафиксировавшей свободу нравов своего времени в лексике, которая для большинства наших современников может показаться непристойной. Многим, конечно, известны имена Апулея, Аристофана, Катулла, Марциала, Петрония с его «Сатириконеом» или же Лукиана, но не все знают, что в переводе на русский язык эти авторы порой до неузнаваемости выхолены, и что только сейчас усилиями нового поколения переводчиков их произведениям возвращаются подлинные краски. Для нас представляется безусловным, что именно благодаря античным аналогам Свифту удалось создать столь впечатляющую панораму человеческих отношений.

Вместе с тем следует признать, что «Путешествия Лемюэля Гулливера...» почти утратили свою политическую актуальность, длинные рассуждения по поводу того или иного государственного устройства утомительны, и большинство критических и сатирических стрел ныне направлены в никуда. Но так же верно и то, что многие страницы бессмертного романа Свифта воспринимаются на удивление свежо и даже злободневно. Особенно это становится явным теперь в связи с нашей находкой...

Итак, перед нами неизвестные главы из «Путешествий Лемюэля Гулливера...», значительно дополняющие традиционную версию, давно и не совсем справедливо причисленную к детской литературе. Данную публикацию «Путешествий...» мы намеренно назвали «Эротические приключения Гулливера», дабы сразу предупредить читателя, что эта книга отнюдь не для детей и юношества.

Так или иначе, нынешним читателям предстоит открыть для себя совершенно иного Свифта. В письме от 29 сентября 1725 года Свифт писал своему другу поэту А. Попу по поводу «Путешествий Лемюэля Гулливера...»: «Они появятся в печати, когда человечество заслужит их...».

280 лет назад написаны эти слова, и 260 лет минуло с того дня, как ушел великий писатель. Путешествие подлинного Гулливера к читателям оказалось долгим. Надеемся, что человечество заслужило знакомство с ним.

*Игорь Куберский,
заведующий кафедрой лингвистической соитологии Института соитологии
Санкт-Петербург,
Июль 2005 г.*

Путешествие в Лилипутию

Я, Лемюэль Гулливер, родившийся третьим из пяти детей в семье скромного землевладельца из Ноттингемпшира, вволю постраниствовал по свету сначала в качестве судового врача, а потом и капитана. Я был удачлив, и судьба благоволила ко мне, а потому я сумел возвратиться домой, повидав немало чудес, о которых решил рассказать соотечественникам, дабы и они, как ни слаб мой писательский дар, смогли бы узнать о том, что творится в тех отдаленных уголках земли, где мне посчастливилось побывать.

Мои записки были отданы издателю, имя которого да не осквернит сии страницы, ибо опубликованный им текст имеет такое же сходство с оригиналом, какое добрый кусок говядины может иметь с таковым же, но побывавшим в желудке и естественным образом вышедшим наружу. И если меня пощадили стихии природы, то я стал жертвой английских издателей, которые сделали Лемюэля Гулливера, отважного путешественника и натуралиста, простофилей и недотепой, выставили его не творцом собственной судьбы, а этаким плывущим, выражаясь фигурально, по течению неудачником и пассивным наблюдателем чужих жизней.

Кто-то может сказать, что благодаря им, моим издателям, я стал знаменит на весь мир. Но разве о такой славе я мечтал, отправляясь в дальние странствия?! Нынешняя моя знаме-

нитость сродни геростратовой. Известность Иова многострадального, который оказывается то пленником у лилипутов, а то вдруг игрушкой у бробдинггеской девочки... Но хочу заверить любезного моего читателя, что всюду и везде, даже в самых невероятных обстоятельствах, я жил, сообразуясь с теми потребностями, которые заложил в нас Творец. Я всегда был Лемюэлем Гулливером, коего имею честь представить вам в этих записках, и куда бы ни бросала меня судьба – то ли в страну лошадей, то ли в землю лапутян, а также в земли Бальнибарби, Лагтнегг, Глаббдобрдриб – оставался верен себе. Я надеюсь, что читателю не составит труда разобраться, где правда, где ложь, какой из двух Гулливеров настоящий, а какой создан потугами завравшихся и в то же время боязливых издателей.

Я не принадлежу ни к киникам, ни к сибаритам, ни к гедонистам и ни к каким другим языческим сектам. Но я как врач знаю, что мы наделены чувственностью и желаниями, без проявления коих перестаем быть теми, кем создал нас Творец. А я, Лемюэль Гулливер, всегда оставался самим собой. И уж тем паче, когда судьба на долгие месяцы, а то и годы забрасывала меня в дотоле неведомые страны.

Долго после появления первого издания моих записок закидывал я письмами книжные дома, желая опубликовать мой труд в его оригинальном виде или хотя бы издать дополнение к нему. Но тщетно! Ответом мне неизменно были лицемерные объяснения, ссылки на общественную нравственность, на якобы неприятие обществом того «рискованного стиля», в котором написано мое скромное творение, и прочая, прочая, прочая.

Что ж, пусть они остаются при своей ханжеской морали, а я убежден, что когда-нибудь (хотя бы и после моей смерти) правда восторжествует: эта рукопись увидит свет, и я предстану перед читающей публикой таким, каким был. Не конквистадором, огнем и мечом покоряющим слабых, не безжалостным морским пиратом, не размазней в кармане девочки-великанши, а тем самым Лемюэлем Гулливером, который всегда продолжал жить так, как того требовали от него законы божеские и законы природы, которые суть едины. Впрочем, судить вам, моим читателям.

Итак, перед вами рукопись, которая дополняет то, что вам уже известно про меня и открывает завесу над тем, что первые мои издатели сочли оскорбительным для нравов английской публики.

* * *

...Шел второй месяц моего пребывания в Лилипутии. Срок, согласитесь, немалый и вполне достаточный, чтобы я привык к моему новому положению, оправился от потрясений, вызванных кораблекрушением и пережитыми мною опасностями. Смешную цепь, которая все еще висела у меня на ноге, при моем на то желании я мог бы разорвать в считанные мгновения, но с юных лет я взял себе за правило: к силе прибегай лишь в крайних случаях, когда имеется угроза твоей жизни. Длины цепи хватало, чтобы дойти до выгребной ямы, которую с моей помощью вырыли для меня отряженные в первый же день пятьсот землекопов, непрерывно трудившихся три дня и три ночи. Будь у меня подходящий инструмент, сам бы я управился с этой работой куда как скорее, но в отсутствие такового пришлось ограничиться лишь посильной в моем положении помощью этим не знающим устали труженикам – я доставал из ямы нагруженные землей бадьи, опорожнял их за ближайшим пригорком и возвращал в яму, что для меня не составляло труда (бадьи эти были размером с хорошую пивную кружку), а моим землекопам сэкономило дня три работы.

Поселили меня в башне, которую начали возводить по приказанию одного из первых лилипутских императоров. Амбиции его были таковы, что башня, по ее завершению, должна была проткнуть своим шпилем самое небо, что непременно и случилось бы, достигни сие сооружение той высоты, на которой настаивал император. Однако этого не произошло по независящим ни от императора, ни от его подданных обстоятельствам: строительство пришлось прекратить из-за нехватки строительных материалов, невозможности поднимать их на ту высоту, которой к тому времени достигла башня, и из-за бесперспективности затеянного предприятия, которая стала очевидна с приходом к власти следующего императора. Башня так и осталась стоять символом невоплощенных амбиций и грандиозных притязаний.

Наконец, после аудиенции, которой удостоил меня Его Императорское Величество и о которой читателю известно из моих изданных прежде записок (в этой малой части мои издатели не отступили от истины), цепь с моей ноги сняли, и мне была предоставлена свобода, хотя и не без известных оговорок и ограничений. Однако я понимал, что оговорки и ограниче-

ния сии обусловлены необходимостью, и не возражал против их проведения в жизнь, которая, впрочем, и после этого не стала особенно разнообразной – лилипутскую столицу я обошел за полчаса, а через неделю знал ее не хуже родного поместья, где провел первые и самые счастливые годы своей жизни. Обладай я менее оптимистическим нравом, может быть, я и сник бы, стал бы хандрить, но неизменный мой жизнерадостный взгляд на мир помог мне и в той, казалось бы, безвыходной ситуации.

Этот взгляд на мир мне помогло расширить одно чудесное изобретение, которое я не напрасно утаил от обыскивавших меня в первые дни императорских чиновников. Я веду речь о подзорной трубе, которая вскоре оказалась мне очень кстати. Вечерами я наводил ее на окна городских домов – всего-то в каких-нибудь двадцати ярдах от меня – и обнаруживал там много замечательного. Ни мои оглядчивые (дабы не наступить на какого-нибудь зазевавшегося лилипута) путешествия по столице, ни уроки моего мудрого наставника Тоссека (который по повелению императора читал мне лекции по истории и нравам Лилипутии) не обогатили мои знания в той мере, в какой я пополнил их, глядя в окуляр, многократно приближавший меня к подданным Его Императорского Величества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.